

Этико-регламентирующая и оценочная полюсарность в белоусской мифопоэтической картине мира

Анна Басова

Сегодня уже стало аксиомой признание связи коммуникативного процесса с духовным опытом говорящего, его национально-культурными способностями, той картиной мира, которая воплощена в каждом национальном языке. Образ мира человека национально специфичен как в силу природной уникальности и рукотворной среды обитания, образа жизни и быта людей, их обычаев и верований, так и в силу национальной специфичности эталонов и стереотипов восприятия и осознания, присущих человеку как субъекту познания. Культура представляет собой коммуникативную целостность, где материальные объекты, человеческие действия и поступки несут также знаковую, символическую функцию. Соотношение языковой картины мира и культуры прослеживается и по отношению к материальной культуре, и по отношению к духовной культуре, к той ее части, которая связана с системой верований, ценностей, ритуалов и отношений, то есть с социальной сущностью человека. Каждая традиционная культура интересна в первую очередь тем, что в формах, наиболее свойственных ее творцу и носителю, вобрала его духовный облик, социокультурный опыт, морально-этические идеалы, ментальность, творческие потенции.

Формирование языковой личности провозглашается как основная цель обучения языку, а реальные коммуникативно-познавательные и культурные потребности личности составляют основу обучения. Как отмечает Д.Б.Гудков, «каждая языковая личность уникальна, обладает собственным когнитивным пространством, собственным «знанием» языка и особенностями его использования. Не существует языковой личности вообще, она всегда национальна, всегда принадлежит определенному лингво-культурному сообществу. Познать языковую картину мира изучаемого языка – значит проникнуться миропониманием народа – его носителя, вникнуть в его языковое сознание. Осознание языка как феномена культуры, как культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, культуру, обычаи народа, постижение его как сокровищницы культуры, способствующей хранению и передаче материальной и духовной культуры общества от поколения к поколению, приводит к необходимости их изучения, формированию на основе этого материала этнокультурологической компетенции учащихся – важнейшего компонента содержания обучения.

Современные достижения функциональной лингвистики, антропоцентрического подхода к анализу поэтапного развития языковой личности – все вместе позволяет ставить вопрос о принципиально новом подходе к преподаванию языка как иностранного, его структуры. Оно идет в русле изучения человека как носителя языка, осознание его как языковой личности, несущей в себе особенности национального мышления, сформированного образом жизни нации. Включение национально-культурного компонента в содержание обучения влечет и определенные требования к преподавателю языка как иностранного: он должен знать как иноязычную культуру, так и свою национальную, поскольку процесс усвоения иностранного

...

языка и дальнейшее его применение программируется решение таких проблем, как содержание и структура лингвокультурологической информации, критерии отбора и презентации соответствующего материала, его усвоение и применение учащимися. В нашей работе мы исходим из концепции преподавания языка как своеобразной культурно-исторической среды, которая формирует личность. Согласно этой концепции, становление человека как социального существа, как носителя определенного этнического сознания и субъекта определенной культуры невозможно без овладения языком этой культуры во всей ее этно-гео-исторической обусловленности, без постижения спрятанных за вербальной и символической оболочкой культурных феноменов, обусловленных традициями народа, особенностями его психики и мироощущения, структурой ценностей и стилем жизни, поведением и т.д.

Процесс сближения людей, стран соотносится не с всесторонним изучением и усвоением чужих культур, а с уважением к ним, что, в свою очередь, требует определенного их знания. Поэтому культура страны изучаемого языка, культура ее народа от традиционного приветствия, мимики и движений и до «самых тонких способов мышления» (Ю.Хабермас) должна быть обязательной в преподавании иностранного языка, поскольку, чтобы вступить в диалог недостаточно знать язык, необходимо знать как им пользоваться в определенном социальном контексте. В центре нашего внимания – средства развития лингвокультурологических знаний инофона, сохраняющего принадлежность к определенной национальной культуре, с культурой страны изучаемого языка. Одним из способов для достижения указанной цели является знакомство иностранных учащихся с белорусской этнокультурной традицией и, в частности, с довольно распространенными в ее структуре ритуально-обрядовыми, этико-нормативными, социокультурными комплексами мужского (правого) и женского (левого) начал.

Известно, что каждый шаг человека, каждая его интенция какой-либо деятельности всегда подчинялись закону ценностной ориентации, который структурировал окружающий мир на основании принципов этико-регламентирующей и оценочной полюсарности: левое-правое, верх-низ, впереди-сзади, свой-чужой, добро-зло, жизнь-смерть, мужское-женское и т.д. Какая из этих бинарных оппозиций первична, а какая вторична, сказать сложно, хотя важнейшим противопоставлением в жизни и устройстве общества, сохраняющем свое значение в течение многих веков, является противопоставление свой-чужой, за которым виделось положение „эмбриональной защиты, надежности и неизвестный мир за гранью освоенной территории“. В непосредственной близости от этой оппозиции находится природно-экзистенциальное противостояние жизни и смерти. В более позднее время эти категории приобретают этико-правовое осмысление и трансформируются в противостояние добра и зла, счастья и горя и т.д. В целом для общеславянской культуры выделяется от 12 до 14 оппозиций, факт выделения которых есть простейший анализ классификации явлений, воспринимаемых через контраст.

Таким образом, вопрос о бинарных оппозициях – это вопрос об универсальных закономерностях их отображения в человеческом сознании. А бинарная модель мира – общая для человека психологическая черта. По самым основным и глубоко лежащим представлениям человека, общим для всех культур, верх и низ, правое и левое неравнозначны. Правое связывается с правильным, устойчивым, прямым. Левое – с коварным, лживым. Если

...

поменять правое на левое – и изменятся отношения истинного и неистинного, мужского и женского, реального и нереального. Уже сам момент удвоения таит в себе некоторый сложный смысл.

Оппозиция правое-левое прочно вошла и в жизнь белорусского народа, в его обряды, приметы, предания. Омечаются многочисленные примеры, где противопоставление правого-левого является релевантным. Так, например, если невеста, сидя за столом во время сватовства, положит под себя правую руку, то у нее столько лет не будет детей, на скольких пальцах она сидела; если ребенка после первого купания положить на правую сторону, то он будет „правша“ („праўшак“), а если на левую сторону, то будет „левша“ („ляўшак“); если плод в утробе матери помещается слева, то родится дитя женского пола, а если справа – то мужского; звон в левом ухе – плохое известие, в правом – хорошее и т.д. Раньше пуповину новорожденному перевязывали ниткой, в которую вплетали волосы матери. Причем волосы срезали с правой косы или правого виска, чтобы ребенок всю жизнь был привязан к матери. Чтобы ребенок был тихим и спокойным, после рождения его следовало положить на правую сторону. Чтобы сын хорошо отслужил в армии и вернулся домой живым и здоровым, он оставлял след босой ноги у крыльца родного дома. Мать брала землю со следа и прятала ее за икону на время службы сына.

Весьма ярко и многообразно эта оппозиция проявляется при сопоставлении обрядовых структур, лежащих в основе семейно-обрядовых комплексов свадьбы и похорон. В зависимости от эмоциональной доминанты одно и то же действие меняет свой знак на противоположный. Так, например, сервировка стола проводилась в соответствии с событием в жизни человека: земным (рождение, свадьба, юбилей, новоселье и т.д.), в этом случае скатерть кладется на стол правой стороной, ложка и вилка – выемкой вверх (к солнцу); если же трапеза происходит в связи с похоронами, то скатерть стелется левой стороной, а ложку переворачивают выемкой вниз (вилки вообще отсутствуют).

Диаметрально противоположным было и расположение гостей за свадебным и поминальным столом. Свадебный обряд символизировал союз, родство двух родов, поэтому гости садились за столом семейными парами, рядом. За поминальным столом гости садились парами, но не рядом, а напротив друг друга. Женщины – слева от входа, а мужчины – справа от входа. За свадебный стол молодожены заходили за стол вслед за солнцем – слева направо. А за поминальный стол присутствующие заходили наоборот – против солнца, на запад, справа налево. В конце трапезы все гости (за исключением самого старого) вставали одновременно и выходили по солнцу, что символизировало продолжение жизни в этом доме. Этот же принцип сохраняется и в следующих ритуалах. Перед тем, как невеста с женихом отправятся на венчание, отец дочери трижды по солнцу (слева направо), повязав при этом ей ручник на пояс, обводил ее вокруг стола, что означало прощание девушки с родительским домом. Также перед тем, как свадебный кортеж отправится в храм на венчание, мать невесты трижды по солнцу (слева направо) обходила всех участников обряда, посыпая их зерном. В Беларуси есть обычай встречать молодоженов перед крыльцом дома с хлебом-солью и водкой, которую они должны вылить вон правой рукой через левое плечо. Все эти движения слева направо подчинены универсальной космологеме: движению Солнца по небосклону. Потому что днем Солнце движется слева направо, что определяет специфику ритуалов жизнеутверждающего характера, а ночью, когда оно попадает в

...

царство смерти, оно должно пройти путь справа налево, чтобы утром вновь появиться на восходе.

Почему мы одновременно рассматриваем семейно-обрядовые ритуалы свадьбы и похороны? Потому что брак, рождение и смерть связаны между собой. Брак (шлюб) – промежуточное состояние между важнейшими формами перехода и сам переход, символическое повторение основных жизненных начал, уход и возвращение одновременно. И свадьба (вяселле), например, необычайно сложный и очень красивый спектакль. Каждое слово, каждое действие этого спектакля, каждый атрибут имели определенный смысл, как правило, очень древний. Так, например, главное действующее лицо – несомненно невеста, а не жених. Почему? В древности каждый человек был представителем определенного рода. В эпоху патриархата девушки, выходя замуж, переходили в род мужа. Вот почему выходить замуж – значит выходить из своего рода. Девушка должна была как бы „умереть“ в одном и снова родиться в другом облике, уже замужней. Отсюда повышенное к ней внимание, отсюда обычай брать фамилию мужа и выражение „выходить замуж“ („браць шлюб“), называть родителей мужа мама и папа (тата). На свадьбе (вяселлі) невеста (маладая) в белом платье, что символизирует чистоту и скромность невесты. Но это более позднее объяснение. На самом деле белый – цвет скорби. Черный в таком качестве появился относительно недавно. Белый же с глубокой древности – цвет Памяти и Забвения. И сегодня у некоторых народов – индусов, евреев, арабов – в белое одеваются на похоронах. Соответственно и похороны рассматривались как форма брака (шлюбу). Собственно, смерть – это брак со Смертью. Но смерти, в представлениях наших предков, как определенного уничтожения личности не было. Она рассматривалась как переход через мир иной („праз іншы свет“), а потом возвращение в этот мир („на белы свет“), с приобретенными в ином измерении магическими знаниями и умениями.

Космогонический универсум структурирования пространства на правое-левое охватывал практически все сферы деятельности человека, что нашло свое продолжение и сегодня в традициях и культуре белорусов. Известно, что в культуре восточных славян правая сторона соотносилась с мужской сферой, а левая – со сферой женского влияния. Различия между полами связаны с врожденными различиями между мужчинами и женщинами в мотивах, интересах, поведении и прочем, которые обуславливают их мускулинное и феминное поведение. Ж. Годфруа отмечает, что установки, ценности, формы поведения, которые вырабатываются у ребенка с раннего возраста, в большей степени зависят от того, каким образом данная культура определяет сексуальные роли, которые она признает за мужчинами и женщинами, культурные стереотипы.

Традиционно большинство культур ориентируются на то, что роль мужчины определяется независимостью, уверенностью в себе; роль женщины пассивна и сводится, главным образом, к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Так, у белорусов подчинение жены мужу внушалось еще с венца, когда священник говорил: „Як Хрыстос – галава царквы, так муж – галава жаны сваёй“. Что же такое союз мужчины и женщины для белорусов? Это, предназначенный свыше союз, который заключается на небесах, заранее предполагает ссоры и конфликты, но, несмотря на это, заключается раз и навсегда. Это отражает христианское, в первую очередь, мировосприятие народа, в основе которого лежит Библия. Для белорусской женщины брак – это и обязательный и желанный момент жизненного пути. Для белорусского

мужчины брак тоже является обязательным. Жизнь без женщины считается неполноценной. Идеалом жены-хозяйки считалась физически крепкая, работающая, добрая, привлекательная женщина („не шукай красаты, а шукай дабраты“; „шукай жонку не на йгрышчы, а на іржышчы“; „не хвалі жонку за цела, а хвалі за дзела“). В женщине в большей степени, чем в мужчине, живет необходимость в поддержке, сочувствии. Поэтому белорусская женщина называла мужа „сябар“, „сябёр“, „мой гаспадар“, „чалавек“, „доля“. В свою очередь мужчина обращался к жене: „баба“, „мая баба“, „маці“. Мужчина-муж был обычно главой семьи, нес за нее моральную и материальную ответственность. Без него не решалось ни одно более-менее важное семейное дело. Поэтому он пользовался особым уважением в семье и в первую очередь высоко ценился женой („за сокалам і варона сакаліца“; „за добрым кустом трава зелянее, за добрым мужам жонка маладзее“). Никто, кроме хозяина, не мог занять почетное место за столом под иконостасом (на куце). Белорусы прежде всего ценили в мужчине способность к физическому труду. Поэтому и мужа для своей дочери родители выбирали исходя именно из этого („не той харош, хто тварам прыгож, а той харош, што на справу гожд“). Крестьянская жизнь не представлялась без мужчины, ибо хозяйство требовало „мужского“ труда („двор без гаспадара плача“). И, конечно же, совместная жизнь мужа и жены требовала и требует согласия и взаимопонимания: „живуць душа ў душу“, „нашто клад, калі ў сям’і лад“.

Предписываемые культурой различия в маскулинном и фемининном поведении сказываются не только на выборе мотивов, но и на структуре личности в целом, что изначально было заложено нашими предками, нашей традицией и что продолжает жить и сегодня в ритуалах и обычаях поведения белорусов. Например, чтобы определить пол ребенка, у женщины спрашивали, с какой стороны она услышала первое шевеление плода, и сразу же знали, кто родится. Или ей предлагали сесть, а затем встать: если она помогала себе правой рукой – будет мальчик, если левой – девочка. Чтобы в семье первым родился мальчик, молодоженам в первую брачную ночь под кровать подкладывали топор. Если у женщины, ждущей ребенка, спрашивали: „Кого ждешь?“, на что она отвечала не сразу, конфузилась: у нее родится дочь; если же смело, не стесняясь, отвечала, ожидалось рождение мальчика. В некоторых регионах Беларуси воду после купания девочки выливали на крыльцо, чтобы вышла замуж, после мальчика – под печку, чтобы был хорошим хозяином. Воду, в которой купали мальчика, выливали под яблоню, чтобы богатым был, а воду, в которой купали девочку – под вишню, чтобы красивой была. Или девочку впервые следовало купать в молоке, чтобы она была красивой, а мальчика – в пиве, чтобы он был крепким и красивым.

Известно, что обязательным атрибутом белорусского народного костюма является пояс, который выполнял роль магического средства. Так, оправляясь под венец, невеста развешивала пояса в тех местах и над теми предметами, от которых она больше всего ждала прибыли: в доме, в сарае, во дворе и т.д. Во время одевания перед свадьбой у невесты (маладой) отрезали кисти пояса, который носила каждая девушка с левой стороны; отрезанные кисти невеста передавала своей старшей после нее сестре, если же таковой не было, кому-нибудь из своих подруг. Девушка, получившая кисти от пояса, выйдет замуж раньше других. Подходя же к аналою, невеста старалась развязать все поясные узлы, для того чтобы получить у своего будущего мужа большую благосклонность, больше любви, а в будущем и легкие роды. Обычно и

...

женщины завязывали узел с левой стороны, а мужчины – с правой. Аналогично повязывали ритуальные ручки главным участникам белорусской свадьбы – сватам, прикрепляли цветы молодежи – гостям молодоженов: девушкам с левой стороны, юношам – с правой. И сегодня мужчины застегивают одежду на правую сторону, а женщины – на левую и т.д.

Жизнь белорусов всегда зависела от природных явлений, разных пор года, природно-сезонных циклов, поэтому для них характерна календарная направленность мышления. Белорусский народный календарь выполнял роль своеобразного ориентира жизнедеятельности человека в пределах различных временных циклов (суточных, недельных, месячных, сезонных, годовых). Недельный цикл состоит из семи дней. Наши предки очень внимательно относились к каждому дню недели, поэтому каждый день имел свою характеристику: в недельном цикле белорусы выделяли праздничные и будничные, благоприятные и неблагоприятные, счастливые и несчастливые, женские и мужские дни. Это значит, что в зависимости от грамматического рода дня недели (например, панядзелак существительное мужского рода, а суббота – женского рода), неделя (тыдзень) у белорусов делится на дні-дзеўкі (серада, пятніца, субота, нядзеля) и дні-хлопцы (панядзелак, аўторак, чацвер), которые и предопределяли определенные дела, планы и поведение людей.

Календарная направленность мышления знаменовала и наилучшее время для рождения ребенка – это весна. Осенью и зимой женщина меньше работала и могла выносить ребенка. Поэтому женщинам, которые месили хлеб в деже желали: „Спарня ў дзяжу, сын на вясну!“ Рождение летом и особенно весной обещало ребенку веселую жизнь, зимой – холодность к людям, осенью – суровость характера. День недели, в который родится ребенок, определяет, считают белорусы, его характер и судьбу. В понедельник обычно рождаются лентяи („лінцібаіны“-гультаі), которым, как говорится в пословице „І ступень – на пень“ (у лентяя шаг равен его ступни). Понятно, что они бедняки. Наоборот, работающие и удачливые люди рождаются во вторник. Рожденные в среду, очень способные ко всему, и о них говорят: „У сераду радзілася, да ўсяго прыгадзілася“. О таком человеке еще говорят, что „ён – сяродка напалавіну“, „хто родзіцца ў сераду, той ва ўсім будзе ні ўзад ні ўперад“, это значит средний человек. Часто он становится богатым, но поскольку его богатство приобретается не трудом собственных рук, а легкой, пусть и честной наживой, он заканчивает свою жизнь пьянством и бедностью. Четверг – хороший день. Кто рождается в этот день, у того белая кожа и редкие зубы. Но ребенок, рожденный в четверг, никогда не доживает до старости, хотя и больше других радуется своих родителей: он быстро начинает ходить, чрезвычайно активен и подвижен; он и умрет на ходу. Пятница – неудачный день. Все горькие пьяницы, бездельники и воры рождаются в пятницу-„куратніцу“. „Суботнікі“ удачливее и счастливее всех остальных: они живут с труда рук своих, и хотя не становятся богатыми, но и не знают бедности. Это люди веселые и приветливые в общении. Их все любят. Воскресенье (нядзеля) – радостный для всех день. Кто родится в воскресенье, считают белорусы, тот будет самым счастливым, потому что ему во всем будет сопутствовать удача, все будет удаваться. Люди такого человека будут ценить и уважать как старшего. Он долго проживет, и у других будет всегда вызывать зависть: как у чужих людей, так и у своих родных и близких.

Представленность человека в двух ипостасях – мужской и женской – безусловно нашла свое отражение и в самом фундаментальном синтезе как в

...

истории Белоруссии, так и в истории восточных славян, синтезе славянского язычества и христианской этики. Столкновение языческого и христианского создает „диалектику человека“ и ту двойственность национального характера, которая никогда не исчезала у славян. Так, например, для Н. Бердяева цельность сознания заключалась в единстве семейном : язычество – религия „женская“, христианство – религия „мужская“. В Белоруссии в результате диалога двух принципиально разнохарактерных культур сработал феномен белорусской ментальности: народ не отрекся от своего духовного наследия, но одновременно доверился и принял чужое, навязанное силой. Думается, главной особенностью симбиоза двух традиций было то, что фундаментом (основой) осталось старое, а новое было переосмыслено и адаптировано сквозь призму того же старого. Так, христианский календарь представляет собой своеобразное напластование на белорусский народный календарь (Раство и Каляды, Масленіца и Улассе, Вялікдзень и Ярыла, Тройца и Сёмуха, Ян, Иван Купала и Купалле, Спас и Жніво, Раство Багародзіцы и Багач, Дзмітраўскія дзяды и Восеньскія дзяды) и дополнил его определенными закономерностями, которые полностью сочетаются с общеславянской и общечеловеческой традицией разделять все жизненное и обрядовое пространство на правое и левое как воплощение мужского и женского начал. Христианская теология в лице своих институтов (церквей) узаконила иерархию полов, а духовным авторитетом здесь стал Августин, утверждавший, что только тот дом прав, где повелевает мужчина, а жена повинуется. При этом он провозгласил дуализм духа и плоти, говоря, что прав тот человек, в котором дух властвует, а плоть служит. Это замечание Августина оказалось продуктивным, ибо бинарная пара „дух-тело“ стала дополнительным критерием в определении специфики мужского и женского начал в культуре. Постепенно дух как носитель постоянства стал занимать привилегированное положение в культуре, символизируя мужское начало, в то время как тело стало ассоциироваться с эфемерностью (в силу своего преходящего характера) и считаться подчиненным в паре „дух-тело“. В конечном итоге, женщина олицетворяет только плоть, предикатом которой выступает эмоциональность, а мужчина – дух, отличительным признаком которого является рациональность.

Древняя ведийская оппозиция правое-левое была заимствована христианством, в традиции которого его трактовка усложнилась и разделяется на 1. этическую (как противопоставление Добра и Зла) и 2. социокультурную (с правой стороны человека охраняет Ангел, а с левой – Дьявол). А поскольку первая женщина ввела в искушение Адама, ее место во всех ритуалах отмечено отрицательным знаком (с левой стороны). Поэтому во время венчания в храме невеста стоит слева от жениха. В христианской иконописи традиции клянутся, благославляют – правой рукой. В структуре христианского календаря, который представляет собой сферу (круг), правая полусфера (со дня зимнего солнцестояния до летнего солнцеворота) наполнена праздниками, которые отражают основные события в жизни Христа. А левая полусфера посвящена жизнеописанию Богородицы. Такое разделение и такая ориентация сохранилась и в православных храмах (в храмовой архитектонике).

Таким образом, в белорусской национальной культуре весьма своеобразны в своем проявлении социокультурные контексты, в которых определенным образом дифференцируются мужское (правое) и женское (левое) начала. Самобытные особенности мужского и женского начал в белорусской национальной культуре, их неповторимые нюансы духовно обогащают

иностранных учащихся, способствуют формированию у них определенных навыков и стратегий при контакте с белорусской культурой, развивают способности ее восприятия и понимания. Белорусская культура является убедительной исповедью о жизни белорусов, игнорирование которой в общемировом контексте ведет к обеднению представлений о красоте, человеческой мечте, вечном поиске, обретениях, потерях, покорности и решимости начинать все снова. Настоящее межкультурное общение осуществимо только при условии осознания различий и сохранения не только своего, но также инокультурного своеобразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васілевіч У.А.. Беларускі народны каляндар. Мінск, 1993.
2. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. Т.1., 1996.
3. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М., 2000.
4. Жыцця адвечны шлях: беларускія народныя прыкметы і павер'і. Мінск, 1998.
5. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... С-Пб., 1999.
6. Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. Мінск, 2000.
7. van Leeuwen-Turnvowa, J Rechts und Links in Europa Ein Beitrag zur Semantik und Symbolik der Geschlechterpoliarität. Berlin, 1990.
8. Лотман Ю.Н. Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются.// Киноведческие записи., М., 1993/94. №20.
9. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
10. Митрофанова О.Д. Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века.// Материалы 1X Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999. – М., 1999.